

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ТУРЦИИ В XXI ВЕКЕ: ТЕЛЕСЕРИАЛЫ КАК МЕХАНИЗМ ПРОДВИЖЕНИЯ НЕООСМАНСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Адилбек Ермекбаев¹

Жадыра Екибасова^{2*}

Айна Аскероглу Арслан³

¹ Доцент кафедры международных отношений и мировой экономики Казахского национального университета им. аль-Фараби, PhD; Алматы, Казахстан, e-mail: adilbekea@gmail.com

^{2*} Докторант Института востоковедения имени Р.Б. Сулейменова; Алматы, Казахстан; e-mail: zhadyrayekibassova@gmail.com

³ Доцент Института тюркологических исследований Стамбульского университета; Стамбул, Турция, e-mail: ayna.arслан@istanbul.edu.tr

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.1.009>

Аннотация. Статья анализирует роль турецких телесериалов в продвижении неоосманской идеологии в рамках культурной дипломатии Турции в XXI веке. Эмпирическая и теоретическая база исследования основана на отечественных и зарубежных научных работах, рассматривающих концепции культурной дипломатии, «мягкой силы» и неоосманизма. В результате исследования выявлены несколько основных механизмов влияния турецких телесериалов на международную аудиторию: реконструкция исторической памяти, продвижение общекультурных и цивилизационных кодов и формирование позитивного образа Турции. Результаты исследования показывают, что широкое распространение телесериалов на Ближнем Востоке, Балканах и в Центральной Азии является результатом культурной близости, а также целенаправленной культурной политики. Научная новизна статьи определяется тем, что телесериалы рассматриваются не только как культурный продукт, но и как активный элемент современного внешнеполитического дискурса. Выводы авторов позволяют объяснить особенности реализации культурной дипломатии через медиаформаты и систематизировать механизмы распространения неоосманской идеологии в современном информационном пространстве. Практическая значимость исследования отражена в анализе стратегий международного культурного влияния и оценке роли медиапродуктов во внешней политике.

Ключевые слова: культурная дипломатия, мягкая сила, неоосманизм,

XXI ҒАСЫРДАҒЫ ТҮРКИЯНЫҢ МӘДЕНИ ДИПЛОМАТИЯСЫ: ТЕЛЕСЕРИАЛДАР НЕООСМАНДЫҚ ИДЕОЛОГИЯНЫ ДАМУ ТЕТІГІ РЕТІНДЕ

Әділбек Ермекбаев¹, Жадыра Екібасова^{2*}, Айна Аскероглы Арслан³

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің Халықаралық қатынастар және әлемдік экономика кафедрасының доценті, PhD

^{2*}Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының докторанты

³Стамбул университетінің түркітану институтының доценті, PhD

Аңдатпа. Мақала XXI ғасырдағы Түркияның мәдени дипломатиясы аясында түрік телесериалдарының неоосманшылдық идеологияны дамытудағы рөлін талдауға арналған. Зерттеудің эмпирикалық және теориялық негізі мәдени дипломатия, «жұмсақ күш», неоосманизм тұжырымдамаларын қарастыратын отандық және шетелдік ғылыми еңбектерге сүйенеді. Талдау нәтижесінде түрік телесериалдарының халықаралық аудиторияға ықпал ететін бірнеше негізгі тетігі айқындалады: тарихи жадты қайта құру, ортақ мәдени-өркениеттік кодтарды дәріптеу және Түркияның оң имиджін қалыптастыру. Зерттеу телесериалдардың Таяу Шығыс, Балқан және Орталық Азия кеңістігінде кеңінен таралуы мәдени жақындықпен қатар, мақсатты мәдени саясаттың нәтижесі екенін көрсетеді. Мақаланың ғылыми жаңалығы телесериалдарды тек мәдени өнім емес, заманауи сыртқы саяси дискурстың белсенді элементі ретінде қарастыруымен айқындалады. Авторлық тұжырымдар мәдени дипломатияның медиаформаттар арқылы жүзеге асу ерекшеліктерін түсіндіруге және неоосманшылдық идеологияның қазіргі ақпараттық кеңістікте таралу механизмдерін жүйелеуге мүмкіндік береді. Зерттеудің практикалық маңызы халықаралық мәдени ықпал ету стратегияларын талдау және медиа өнімдердің сыртқы саясаттағы орнын бағалау мәселелерінде көрініс табады.

Түйін сөздер: *мәдени дипломатия, жұмсақ күш, неоосманизм, түрік телехикаялары, тарихи жад, халықаралық имидж, сыртқы саяси дискурс.*

TURKISH CULTURAL DIPLOMACY IN THE 21ST CENTURY: TV SERIES AS A TOOL FOR PROMOTING NEO-OTTOMAN IDEOLOGY

Adilbek Yermekbayev¹, Zhadyra Yekibassova^{2*}, Ayna Askeroglu Arslan³

¹Associate Professor of the Department of International Relations and World Economy, Al-Farabi Kazakh National University, PhD

^{2*}Doctoral candidate, R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies

³Associate Professor of the Institute of Turkic Studies, Istanbul University, PhD

Abstract. The article analyzes the role of Turkish TV series in promoting neo-Ottoman ideology within the framework of Turkey's cultural diplomacy in the 21st

century. The empirical and theoretical basis of the study relies on domestic and foreign scientific works that examine the concepts of cultural diplomacy, «soft power» and neo-Ottomanism. The analysis identifies several key mechanisms through which Turkish TV series influence international audiences, including the reconstruction of historical memory, the promotion of shared cultural and civilizational codes, and the formation of a positive image of Turkey. The study demonstrates that the widespread distribution of Turkish TV series in the Middle East, Balkans and Central Asia is the result of not only cultural proximity, but also of a targeted cultural policy. The scientific novelty of the article lies in considering TV series not only as cultural products, but also as active elements of modern foreign policy discourse. The authors' conclusions allow us to explain the features of the implementation of cultural diplomacy through media formats and systematize the mechanisms of dissemination of neo-Ottoman ideology in the modern information space. The practical significance of the research is reflected in the analysis of strategies of international cultural influence and in assessing the role of media products in foreign policy.

Keywords: *cultural diplomacy, soft power, neo-Ottomanism, Turkish TV series, historical memory, international image, foreign policy discourse.*

Введение

В XXI веке культурная дипломатия заняла одно из ключевых мест в системе международных отношений, становясь важным инструментом формирования позитивного имиджа страны и расширения его политического влияния. Турция является показательным примером страны, которая смогла превратить телеиндустрию в стратегический ресурс своей внешней политики. По данным международных аналитических оценок, к концу 2010-х годов ежегодный экспорт турецких телесериалов достиг 350 млн долларов, при этом турецкая телевизионная продукция охватывала более 140 стран мира [1]. В 2024 году экспорт турецких сериалов превысил 500 млн долларов и распространяется уже почти на 200 стран [2]. Это делает Турцию вторым крупнейшим экспортером телевизионных драматических сериалов после США [3] и превращает теледрамы в важный канал распространения не только развлекательного контента, но и культурных и политических нарративов, связанных с национальной идентичностью, историческим наследием и внешнеполитическим дискурсом.

Несмотря на растущий интерес к феномену турецких телесериалов, в научной литературе до сих пор преобладает акцент на экономических и культурных аспектах их экспорта, тогда как политико-идеологическое измерение этого явления остается менее исследованным. Между тем значительная часть турецких телепродуктов носит не только развлекательный характер, но и выполняет функцию репрезентации истории, традиций и ценностей, тесно связанных с идеологией неоосманизма [4]. В исторических драмах, таких как «Великолепный век» (Muhteşem Yüzyıl), «Возрождение: Эртугрул» (Diriliş: Ertuğrul) и «Основание: Осман» (Kuruluş: Osman), акцентируется величие османского прошлого, героизация исламских ценностей и образ Турции как естественного лидера в тюркском и исламском мире. Эти нарративы коррелируют с внешнеполитической стратегией Анкары, стремящейся укрепить своё влияние в регионах исторического и культурного присутствия Османской империи.

Таким образом, актуальность выбранной темы определяется совокупно-

стью следующих факторов:

- Стремительным ростом влияния турецкой телевизионной продукции на международной арене;
- Возрастающим значением культурной дипломатии в современной внешней политике;
- Недостаточной изученностью роли телесериалов в формировании и трансляции неоосманского дискурса;
- Необходимостью анализа того, каким образом популярная культура превращается в инструмент «мягкой силы» и используется Турцией для укрепления своего внешнеполитического имиджа.

Учитывая данные обстоятельства, исследование турецких телесериалов в контексте культурной дипломатии и неоосманской идеологии представляется не только научно обоснованным, но и практически значимым для понимания современной стратегии Турции в международных отношениях.

Объектом исследования выступает культурная дипломатия Турции в XXI веке. Предметом исследования являются турецкие телесериалы как механизм продвижения неоосманской идеологии во внешнеполитическом контексте.

Цель исследования – выявить роль турецких телесериалов как инструмента мягкой силы и механизма трансляции неоосманского дискурса в международной политике.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- Рассмотреть теоретические подходы к изучению мягкой силы и культурной дипломатии.
- Проанализировать существующие исследования о влиянии турецких телесериалов на международную аудиторию.
- Выявить ключевые элементы неоосманской идеологии, транслируемой через телевизионную продукцию.
- Определить роль турецких телесериалов в укреплении внешнеполитического имиджа Турции.

Основной исследовательский вопрос настоящей работы заключается в следующем: каким образом турецкие телесериалы функционируют как инструмент мягкой силы и используются для продвижения неоосманской идеологии во внешней политике Турции?

Предполагается, что турецкие телесериалы являются не только культурным продуктом, но и важным элементом внешнеполитического инструментария Турции, транслирующим ценности и исторические нарративы неоосманства и тем самым усиливающим культурное и политическое влияние Анкары на международной арене.

Обзор литературы

Роль турецких телесериалов в международной политике в последние годы получила широкое внимание исследователей, которые связывают её с концепциями «мягкой силы», культурной дипломатии и неоосманства. Понятие «мягкой силы», введенное Нye [5], объясняется как способность государства влиять на других через привлечение, а не через давление. Позднее Melissen [6] и Cull [7] развили эту идею, подчеркнув значение культурной дипломатии для формирования позитивного имиджа государства за рубежом. Эти теоретические работы стали основой для понимания того, каким образом медиапродукты,

включая турецкие телесериалы, могут выступать в качестве инструментов политического воздействия.

В контексте Турции концепция «мягкой силы» приобрела особое значение. Altunışık [8] и Walker [9] показывают, что правящая Партия справедливости и развития активно использует культурные, религиозные и исторические ресурсы во внешней политике. Особое место здесь занимает доктрина «Стратегическая глубина» Давутоглу [10], в которой утверждается, что Турция должна опираться на своё османское наследие для усиления роли в регионах Ближнего Востока, Балкан и Центральной Азии. В этом же ключе Öniş и Kutlay [11], характеризуют Турцию как «среднюю державу», сочетающую экономические и культурные инструменты в дипломатии.

Особое внимание исследователей привлекает феномен турецких телесериалов как глобального медиапродукта. Экспорт турецких сериалов является одним из наиболее значимых инструментов культурной дипломатии и мягкой силы Анкары. Согласно данным Jabbour [12], турецкие телесериалы превращают их в мощный канал трансляции не только развлекательного контента, но и политически значимых смыслов, связанных с национальной идентичностью, историческим наследием и внешнеполитическим дискурсом. Kraidy и Al-Ghazzi [13], а также Arslan [14] отмечают, что значительная популярность турецких сериалов на Ближнем Востоке и Балканах объясняется культурным сходством и общими историческими элементами.

Некоторые авторы напрямую связывают телесериалы с распространением неоосманской идеологии. Kaş и Tecmen [15] указывают, что проекты вроде *Diriliş: Ertuğrul* и *Payitaht Abdülhamid* реконструируют историю Османской империи, способствуя укреплению политической идентичности современной Турции. Аналогичный вывод делает Çevik [16], подчёркивая, что исламские и османские символы в этих сериалах формируют чувство общей истории среди мусульманских обществ. Sertbulut [17] также отмечает, что телесериалы поддерживают имидж Турции как лидера исламского мира.

Реакция международной аудитории при этом неоднозначна. Так, Miriam [18] фиксирует высокую популярность турецких сериалов на Балканах, где их воспринимают через призму исторической и культурной близости. Gürkan [19] отмечает схожие процессы в Центральной Азии. Однако Öztürk [20] обращает внимание на то, что в некоторых арабских странах турецкая медиапродукция вызывает критику из-за опасений скрытого политического влияния.

Несмотря на активное изучение феномена турецких телесериалов, в литературе остаются пробелы. В большинстве работ основное внимание уделяется популярности драм или реакции зрителей, в то время как их роль в трансляции внешнеполитической идеологии рассматривается значительно реже. Недостаточно изученной остаётся и связь между телевизионными сюжетами и дискурсом неоосманства. Кроме того, сравнительно мало исследований посвящено восприятию турецких сериалов в таких регионах, как Центральная Азия и Латинская Америка, хотя именно там их аудитория в последние годы значительно выросла.

Настоящее исследование стремится восполнить эти пробелы. В центре анализа находятся наиболее влиятельные телесериалы - *Muhteşem Yüzyıl*, *Diriliş: Ertuğrul*, *Kuruluş Osman* и *Payitaht Abdülhamid*. Цель работы заключается в том, чтобы показать, каким образом эти медиапродукты транслируют неоосман-

ские идеи и одновременно способствуют реализации культурной дипломатии и стратегии «мягкой силы» Турции в XXI веке.

Методы исследования

В качестве исследовательского материала были выбраны наиболее популярные и репрезентативные турецкие телесериалы, транслируемые как на национальном, так и на международном уровне:

- *Muhteşem Yüzyıl* («Великолепный век»), 2011-2014 гг., более 70 стран трансляции;
- *Diriliş: Ertuğrul* («Возрождение: Эртугрул»), 2014-2019 гг., около 150 стран трансляции;
- *Kuruluş Osman* («Основание: Осман»), с 2019 г., активно продвигается на рынках Ближнего Востока и Центральной Азии;
- *Payitaht Abdülhamid* («Великолепный Абдулхамид»), 2017-2021 гг., акцентирует тему исламской солидарности и османского наследия.

Дополнительно учитывались данные о международном распространении турецкой телевизионной продукции (отчёты ассоциаций экспортёров, публикации TRT и независимых исследовательских центров).

Исследование включало несколько последовательных этапов. На первом этапе был проведен анализ теоретических подходов к концепциям мягкой силы, культурной дипломатии и неоосманства посредством обзора научной литературы. Второй этап заключался в отборе репрезентативного материала – турецких телесериалов, получивших международное признание и транслирующих историко-культурные нарративы. Далее был проведен дискурсивный анализ содержания этих сериалов с целью выявления элементов неоосманской идеологии. На следующем этапе выполнен сравнительный анализ восприятия турецких телесериалов в различных регионах, включая Ближний Восток, Балканы, Центральную Азию и Латинскую Америку. Финальным этапом стала интерпретация полученных результатов в контексте культурной дипломатии Турции и её стратегии мягкой силы.

Для достижения поставленных целей применялся комплекс методов исследования. Контент-анализ [21] использовался для систематизации основных тем, ценностей и образов, представленных в сериалах. Дополнительно были определены параметры контент-анализа. В качестве единиц анализа выступали ключевые сюжетные линии, образы персонажей и символические элементы, представленные в выбранных телесериалах. Анализ проводился по нескольким тематическим категориям: репрезентация османского исторического наследия, демонстрация религиозных и культурных ценностей, образ Турции как регионального лидера, а также нарративы единства тюркского и исламского мира. Для повышения репрезентативности исследования были проанализированы наиболее значимые эпизоды каждого сериала, отражающие основные сюжетные повороты и идеологические акценты. Полученные данные были систематизированы и сопоставлены с теоретическими концепциями «мягкой силы» и культурной дипломатии. Дискурсивный анализ [22] позволил выявить идеологические и политические смыслы, соотносящиеся с неоосманской идеологией. Сравнительный анализ обеспечил сопоставление восприятия турецких телесериалов в различных культурных и региональных контекстах. Дополнительно применялся качественный анализ вторичных данных, включающих исследовательские отчеты, медиа-публикации и статистику экспорта телевизион-

ной продукции.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии научного дискурса о роли культурной дипломатии и мягкой силы в международных отношениях. Практическая значимость состоит в возможности использования выводов исследования для анализа инструментов внешней политики Турции и понимания особенностей её влияния на регионы стратегического интереса.

Результаты и обсуждение

Анализ турецких телесериалов показал, что они стали значимым инструментом культурной дипломатии и «мягкой силы», транслирующим элементы неоосманской идеологии в международном контексте. В качестве репрезентативного материала были рассмотрены сериалы *Muhteşem Yüzyıl*, *Diriliş: Ertuğrul*, *Kuruluş Osman* и *Payitaht Abdülhamid*, получившие широкое признание и популярность за пределами Турции.

Центральным элементом турецких исторических телесериалов является репрезентация османского наследия как источника легитимности и политической субъектности современной Турции. Наиболее ярко это проявляется в *Muhteşem Yüzyıl* (Великолепный век), где зрителю демонстрируется «Золотой век» Османской империи времен султана Сулеймана I. Визуальная эстетика дворцовой роскоши, сцены дипломатических переговоров с европейскими монархами и образы мощной армии создают не только привлекательный и зрелищный портрет прошлого, но и транслирует нарратив о культурном и политическом превосходстве Турции как наследницы исперии. К примеру, показ переговоров Сулеймана с Габсбургами и его военных походов в Венгрию формирует представление о геополитической мощи и лидерстве, что коррелирует с современными стремлениями Анкары укрепить свой статус регионального центра силы.

В сериалах *Diriliş: Ertuğrul* (Возрождение: Эртугрул) и его продолжении *Kuruluş Osman* (Основание: Осман) акцент переносится на начальный этап формирования Османского государства. Здесь доминируют мотивы борьбы за справедливость, верности исламским ценностям и объединения тюркских племен. Эртугрул и Осман изображаются как харизматичные лидеры, которые действуют не только ради политического могущества, но и ради защиты веры и справедливости. Такие сюжетные линии – например, противостояние Эртугрула с крестоносцами или борьбы Османа с Византией – актуализируется в контексте современных нарративов о «возрождении сильной Турции» и ее роли защитницы мусульманских сообществ от внешних угроз. Эти мотивы напрямую соотносятся с риторикой Партии справедливости и развития (ПСР), которая также строит образ Турции как центра исламского мира и альтернативного полюса в глобальной политике.

Особое значение имеет сериал *Payitaht Abdülhamid* («Великолепный Абдулхамид»), посвященный правлению Абдулхамида II. Здесь центральный мотив – противостояние султана западному давлению и «колониальному заговору». Сюжетные линии включают борьбу с британскими и французскими дипломатами, тайными миссиями европейских агентов и защиту интересов исламского мира. Абдулхамид представлен как мудрый и дальновидный лидер, стремящийся сохранить единство империи и противостоять экспансии Запада. Например, эпизоды, где султан выступает защитником палестинских земель от сионистских притязаний, напрямую апеллирует к современным дискуссиям о

ближневосточной политике Турции. Через эти образы транслируется идея особой миссии Турции – быть лидером и защитником мусульманских народов, что тесно связано с концептом неоосманизма.

Таким образом, турецкие телесериалы не просто реконструируют османское прошлое в историко-художественной форме, но и актуализируют его в контекст современной внешнеполитической идеологии. Визуальные образы и сюжетные линии служат инструментом легитимации политики «Стратегической глубины Ахмета Давутоглу», где история и география рассматриваются как ресурсы для формирования «нового турецкого века». Через художественные средства массовой культуры Турция стремится укрепить свою «мягкую силу», влияя на аудиторию в разных регионах – от Балкан и Ближнего Востока до Центральной Азии и Латинской Америки.

Таблица 1. Репрезентация османского наследия в популярных турецких сериалах

Сериал	Центральные мотивы	Примеры сюжетов	Элементы неоосманизма
Muhteşem Yüzyıl (Великолепный век)	Величие и могущество Османской империи	Походы Сулеймана на Венгрию; дипломатия с Габсбургами	Османское прошлое как символ национальной гордости и легитимации современной Турции
Diriliş: Ertuğrul (Возрождение: Эртугрул)	Основание государства, борьба за справедливость, исламские ценности	Борьба с крестоносцами и монголами	Идея защиты мусульман, объединение тюркских племён, миссия Турции как лидера исламского мира
Kuruluş Osman (Основание Османа)	Государственное строительство, лидерство, борьба за независимость	Конфликты с Византией, формирование первых институтов власти	Нарратив «возрождения Турции», параллели с современной политикой ПСР
Payitaht Abdülhamid (Великолепный Абдулхамид)	Противостояние Западу, защита исламского мира	Борьба с британскими и французскими агентами; защита Палестины	Турция как защитник мусульман, критика западного давления, антиколониальный дискурс

Таблица 1 демонстрирует, что репрезентация османского наследия в турецких исторических телесериалах строится вокруг устойчивых сюжетных и идеологических мотивов. В каждом из рассмотренных сериалов исторические события и персонажи используются для формирования определённого символического нарратива: от демонстрации могущества Османской империи до идеи защиты исламского мира и противостояния внешнему давлению. Подобная интерпретация прошлого позволяет не только популяризировать историческую тематику, но и актуализировать её в контексте современной политической и культурной идентичности Турции. Таким образом, телесериалы выступают медиапространством, через которое османское наследие переосмысливается и транслируется международной аудитории как элемент культурной дипломатии и «мягкой силы».

Значимым содержательным компонентом турецких исторических сериалов является исламская идентичность, которая выступает не только культурным фоном, но и ключевым идеологическим маркером. В *Diriliş: Ertuğrul*

ислам представлен как объединяющая сила, мобилизующая общество перед лицом внутренних и внешних угроз. Герой Эртугрул регулярно обращается к Корану и религиозным наставлениям шейха Эдебали, что символизирует важность духовного руководства для становления будущего государства. В сериале многократно подчеркивается, что истинная власть и справедливость возможны лишь при опоре на исламские ценности – честность, преданность обществу, жертвенность во имя Аллаха. Эти мотивы напрямую связаны с современными политическими нарративами о «возрождении Турции» как лидера мусульманского мира, где исламская солидарность становится основой национальной консолидации.

В *Kuruluş Osman* исламская идентичность приобретает еще более явный государствообразующий характер. Основатель Османской империи Осман Гази представлен как политический и военный лидер, чьи решения легитимируются исламской моралью и религиозным авторитетом. Его браки, дипломатические союзы и военные кампании освещаются в свете миссии по защите и распространению ислама. Особенно показательно, что все важные политические решения Османа сопровождаются религиозными обрядами или молитвами, что подчеркивает идею сакральности власти. Такая интерпретация совпадает с концепцией неоосманизма, в которой Турция рассматривает себя как наследницу духовной и культурной миссии Османской империи, обязанной вновь занять ведущую роль в мусульманском мире.

В *Payitaht Abdülhamid* исламская идентичность связывается прежде всего с сопротивлением колониализму и западному вмешательству. Сериал изображает султана Абдулхамида II как «защитника уммы», который противостоит не только военным угрозам, но и идеологическому и культурному давлению со стороны Европы. Его дипломатические шаги и реформы показаны как направленные на укрепление исламской солидарности и защиту мусульман от экспансии Запада. Важным символическим элементом здесь выступает образ мечети и намаза, неоднократно повторяющийся в ключевых эпизодах как выражение духовной стойкости и коллективной идентичности.

Подобные наблюдения нашли подтверждение в исследованиях [15], [16], [17], которые отмечают, что турецкие сериалы играют важную роль в укреплении исламской идентичности и формировании образа общей истории с другими мусульманскими обществами. Более того, через художественные образы создается иллюзия преемственности между эпохой Османской империи и современной Турцией. Это способствует усилению привлекательности Турции как культурного и политического лидера, особенно в странах Ближнего Востока, где зрители воспринимают такие сериалы как отражение собственной исторической памяти.

Таким образом, исламская идентичность в турецких сериалах предстает не просто религиозным компонентом сюжета, но и инструментом символической политики. Через сериалы транслируется идея о том, что ислам был и остается ключевым фактором, формирующим турецкую государственность и ее международную роль. В этом аспекте сериалы служат не только культурным продуктом, но и элементом внешнеполитического дискурса, укрепляющим позиции Турции в рамках стратегии «мягкой силы» и неоосманизма.

Особое значение турецкие сериалы приобретают на Балканах, где историческая память об Османской империи сохраняет двойственный характер. В таких странах, как Босния и Герцеговина, Албания, Косово, где мусульманское население является значительным, турецкие драмы (*Muhteşem Yüzyıl*, *Ezel*, *Binbir Gece*) воспринимаются как выражение культурной близости и общего исторического наследия [18]. Эти сериалы способствуют укреплению позитивного образа Турции как современного и сильного государства, что в свою очередь усиливает двусторонние связи в сферах туризма, образования и экономики. Не случайно, что после выхода *Muhteşem Yüzyıl* в регионе увеличился поток туристов в Стамбул, а изучение турецкого языка стало популярнее среди молодежи.

В Центральной Азии турецкие телепродукты выполняют роль посредника в формировании общей культурной идентичности, апеллируя как к исламскому, так и к тюркскому наследию. *Özgün* [19] указывает, что в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане особым успехом пользуются *Diriliş: Ertuğrul* и *Kuruluş Osman*, в которых идея единства тюркских народов и исламской солидарности напрямую перекликается с проектами Анкары, направленными на институционализацию тюркского сотрудничества (например, в рамках Организации тюркских государств). В восприятии центральноазиатской аудитории турецкие сериалы становятся не просто развлекательным продуктом, но и символом культурной общности и исторической преемственности.

В арабских странах влияние турецких сериалов носит более противоречивый характер. С одной стороны, в Сирии, Ливане и Ираке они чрезвычайно популярны: теледрамы *Gümüş*, *Aşk-ı Memnu*, *Fatmagül'ün Suçu Ne?* Собирали десятки миллионов зрителей и формировали привлекательный образ современной Турции как динамичного общества, сочетающего традиции и модернизацию. С другой стороны, в таких странах как Египет и Саудовская Аравия, турецкие телепродукты воспринимались как инструмент культурной экспансии. По данным *Öztürk* [20], власти Египта в 2013 году предприняли шаги по ограничению трансляции турецких сериалов после ухудшения политических отношений между Анкарой и Каиром, а Саудовская Аравия в 2018 году наложила негласный запрет на демонстрацию турецкой продукции на ведущих телеканалах. Эти меры отражают опасения арабских режимов относительно неоосманских претензий Турции на лидерство в мусульманском миреб транслируемых через культурные продукты.

Наконец, значительный интерес к турецким сериалам проявляется и в Латинской Америке. По данным *Jabbour* [12], в Чили, Аргентине и Мексике такие теледрамы как *Fatmagül'ün Suçu Ne?*, получили рекордные рейтинги и стали символом «экзотического Востока», сочетающего романтику, драму и исторический колорит. В восприятии латиноамериканской аудитории Турция предстает страной с богатым культурным наследием и современными ценностями, что усиливает ее привлекательность и способствует развитию культурных связей на новых рынках.

Таким образом экспорт турецких сериалов выполняет сразу несколько функций: он укрепляет позитивный имидж страны, транслирует неоосманские и исламские нарративы, способствует экономическим выгодам и формирует

символический капитал Турции на международной арене. Региональные различия в восприятии отражают сложность и многослойность этой стратегии: от позитивной рецепции в странах с культурной близостью до настороженности в государствах, конкурирующих с Турцией за лидерство в исламском мире.

Таблица 2. Восприятие турецких сериалов за рубежом

Регион	Восприятие	Политико-культурный эффект
Балканы	Высокая популярность, культурная близость	Укрепление позитивного образа Турции, мягкая интеграция
Центральная Азия	Принятие как часть общего тюркского наследия	Формирование единства «тюркского мира»
Ближний Восток	Амбивалентное восприятие: популярность или. подозрения	В одних странах усиливает привлекательность Турции, в других — вызывает сопротивление
Латинская Америка	Популярность как «экзотического» контента	Укрепление бренда Турции как альтернативного культурного центра
Запад (США, Европа)	Ограниченный интерес	Слабый политический эффект, но рост туристического имиджа

Анализ региональных различий восприятия турецких телесериалов показывает, что их влияние напрямую зависит от культурно-исторической близости аудитории к османскому и тюркскому наследию. В регионах, где существуют исторические, религиозные или культурные связи с Османской империей - на Балканах, в Центральной Азии и частично на Ближнем Востоке - турецкие сериалы способствуют формированию позитивного образа Турции и укреплению ее символического влияния. В то же время в странах, где подобная историческая связь выражена слабее, например в Западной Европе или США, их политико-культурный эффект остается ограниченным и проявляется преимущественно в сфере культурного интереса и туристической привлекательности. Таким образом, эффективность турецких телесериалов как инструмента «мягкой силы» варьируется в зависимости от регионального контекста и степени культурной близости аудитории.

Однако критический анализ выявляет и значительные противоречия в использовании турецких сериалов как инструмента мягкой силы. Прежде всего, они остаются продуктами медиарынка, ориентированными на зрительские рейтинги и прибыль, что означает преобладание коммерческих интересов над внешнеполитическими задачами. Например, продюсеры сериалов *Muhteşem Yüzyıl* или *Diriliş: Ertuğrul* принимали художественные решения прежде всего с расчётом на массовую аудиторию, а уже затем на политическую репрезентацию, что нередко вступало в противоречие с государственными ожиданиями. Внутри самой Турции телепроекты нередко становятся предметом ожесточённых споров. Наиболее ярким примером является *Muhteşem Yüzyıl*, вызвавший резкую критику со стороны консервативных кругов, включая тогдашнего премьер-министра Р.Т. Эрдогана, который обвинил создателей в искажении образа султана Сулеймана и излишнем акценте на дворцовых интригах и личной жизни монарха. Подобная критика отражает напряжение между официальным

дискурсом героизации османского наследия и коммерческой логикой телепроизводства, ориентированной на зрелищность.

Разногласия заметны и на международной арене. В странах Балкан, таких как Босния и Герцеговина или Северная Македония, турецкие сериалы воспринимаются как элемент культурного сближения и «возвращения к общим историческим корням» [18]. В Центральной Азии, например в Казахстане и Кыргызстане, сериалы *Diriliş: Ertuğrul* и *Kuruluş Osman* популярны благодаря акценту на тюркской солидарности и общей исламской идентичности, что способствует укреплению позитивного имиджа Турции [19]. Однако в арабском мире реакция неоднозначна. В Египте в период обострения отношений с Анкарой власти ограничивали трансляцию турецкой продукции, расценивая её как инструмент культурной экспансии и «скрытую пропаганду» неоосманских амбиций [20]. В Саудовской Аравии и Объединённых Арабских Эмиратах в 2018 году был введён запрет на показ некоторых популярных турецких сериалов на региональных телеканалах, включая *Diriliş: Ertuğrul*, что напрямую связано с геополитическим соперничеством с Турцией за лидерство в исламском мире. Следовательно, восприятие одного и того же медиапродукта может существенно различаться: в одних странах он рассматривается как фактор культурного сближения, тогда как в других – как потенциальная угроза национальному суверенитету. Сравнение с Голливудом также подчёркивает ограниченность турецкой медиапродукции. Если американские фильмы и сериалы обладают универсализмом и обращаются к глобальной аудитории независимо от её культурного кода, то турецкие теледрамы ориентируются прежде всего на зрителей, разделяющих с Турцией общую историческую память или религиозные ценности. Это снижает их потенциал глобального охвата, но усиливает эффективность в региональном измерении, особенно там, где сохраняется символическое наследие Османской империи.

Таким образом, турецкие сериалы выполняют двойную функцию: внутри страны они укрепляют национальную идентичность и популяризируют интерпретацию прошлого в духе неоосманизма, а во внешней политике транслируют образ Турции как преемницы Османской империи и защитницы мусульманских обществ. Их значение как инструмента культурной дипломатии остаётся неоднородным: в одних странах они формируют привлекательный имидж Турции и усиливают её «мягкую силу», в других вызывают критику, сопротивление или даже запреты. Полученные данные показывают, что неоосманизм как дискурсивная стратегия не обладает универсальной привлекательностью, а его эффективность напрямую зависит от конкретного культурного и политического контекста, в котором осуществляется медиапотребление.

Заключение

Результаты проведённого анализа свидетельствуют о том, что турецкие телесериалы выполняют множество взаимосвязанных функций в рамках внешнеполитического и культурного дискурса Турции.

Во-первых, они выступают важным инструментом культурной дипломатии, способствуя формированию привлекательного образа Турции за рубежом и демонстрируя её как современную, динамичную и в то же время глубоко укоренённую в истории страну [2]. В отличие от традиционных дипломатических каналов, телесериалы действуют на уровне массового восприятия, внедряя

символы и культурные коды в повседневное сознание зрителей.

Во-вторых, они выполняют идеологическую функцию, транслируя нарративы, связанные с османской историей, исламской идентичностью и концепцией «возрождения» Турции как регионального лидера [15], [16]. Сериалы *Diriliş: Ertuğrul* и *Kuruluş Osman* активно интегрируют мотивы героизации прошлого, что прямо коррелирует с внешнеполитическим курсом, ориентированным на неоосманские идеи.

В-третьих, турецкая медиапродукция формирует устойчивое региональное влияние, особенно в странах Ближнего Востока, Балкан и Центральной Азии, где историческая память и культурная близость облегчают восприятие этих продуктов [17], [18]. Примечательно, что на Балканах сериалы рассматриваются как символ культурного сближения, в то время как в Центральной Азии они становятся частью общей тюркской идентичности и усиливают интеграционные процессы.

Вместе с тем выявлены и ограничения данной стратегии. В ряде арабских стран турецкие теледрамы воспринимаются как форма «культурной экспансии» и вызывают подозрения в стремлении Анкары навязать своё влияние [19]. Египет и Саудовская Аравия в определённые периоды прямо ограничивали трансляцию турецких сериалов, что указывает на политическую чувствительность культурных инструментов мягкой силы.

На основании этих наблюдений можно сделать несколько выводов. Турецкие телесериалы стали важным компонентом стратегии «мягкой силы» Турции, органично дополняя официальные дипломатические инициативы [9]. Их нарративы нельзя рассматривать как политически нейтральные: напротив, они тесно согласуются с внешнеполитическим дискурсом Партии справедливости и развития, акцентирующей османское наследие, исламскую идентичность и лидерство Турции в мусульманском мире [10]. В отличие от универсалистской модели Голливуда, рассчитанной на глобальную аудиторию, турецкие драмы концентрируются на культурно близких регионах, что ограничивает их мировое влияние, но повышает эффективность в региональном масштабе.

Будущие исследования должны уделить больше внимания малоизученным регионам, таким как Латинская Америка и Африка, где турецкие сериалы уже набирают популярность, формируя неожиданные культурные мосты. Необходимы также лонгитюдные исследования, способные оценить долгосрочное воздействие этих драм на общественное мнение, культурную идентичность и двусторонние отношения.

Практическая значимость работы состоит в том, что она позволяет глубже понять механизмы включения массовой культуры во внешнеполитические стратегии и идеологические практики современных государств. В более широком контексте результаты исследования демонстрирует трансформацию взаимосвязей между СМИ, «мягкой силой» и международными отношениями в XXI веке. Это показывает, что медиапродукция становится не просто культурным товаром, а стратегическим инструментом политической коммуникации.

Источник финансирования исследований

Это исследование финансируется Министерством науки и высшего образования Республики Казахстан (Грант №AP23483774 «Углубление тюркской интеграции: перспективы, геополитические риски и угрозы для Казахстана»).

Список литературы / References:

1. Türkiye, ABD'den sonra en fazla dizi ihraç eden ülke // Anadolu Ajansı. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/kultur-sanat/abdden-sonra-en-fazla-dizi-ihrac-eden-ulke-turkiye/1641524> (дата обращения: 07.01.2026).
2. Turkish drama industry surpasses \$500 million export revenue in 2024. – Türkiye Today, 2025. URL: https://www.turkiyetoday.com/culture/turkish-drama-industry-surpasses-500-million-export-revenue-in-2024-107534?utm_source=chatgpt. (дата обращения: 11.03.2026).
3. Aydemir E. Assessment of the Civil Society Dialogue Program between European Union and Turkey as a Public Diplomacy Implementation // OPUS International Journal of Society Researches. — 2017. — 7(13). — P.912–927. — DOI: URL: <https://doi.org/10.26466/opus.348548>.
4. Aydın N. The Use of Turkish Television Series in the Hegemonic Construction of Neo-Ottomanism Ideology // Turkish Studies. - 2025. 20(2). P. 765–792. - DOI: URL: <https://dx.doi.org/10.7827/TurkishStudies.80617> (дата обращения: 16.01.2026).
5. Soft Power: The Means to Success in World Politics // PublicAffairs. URL: <http://www.publicaffairsbooks.com/publicaffairsbooks-cgi-bin/display?book=1586482254> (дата обращения: 16.01.2026).
6. The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations // Palgrave Macmillan. URL: https://culturaldiplomacy.org/academy/pdf/research/books/soft_power/The_New_Public_Diplomacy.pdf (дата обращения: 13.01.2026).
7. Nicholas J. Cull. Public diplomacy: Taxonomies and histories // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. – 616(1). P.31–54. URL: <https://www.jstor.org/stable/25097993> (дата обращения: 13.01.2026).
8. Altunışık, M. B. The possibilities and limits of Turkey's soft power in the Middle East // Insight Turkey. – 2008. - 10(2). – P. 41–54. URL: <https://www.insightturkey.com/articles/the-possibilities-and-limits-of-turkeys-soft-power-in-the-middle-east> (дата обращения: 02.01.2026).
9. Walker, J. Turkey's Imperial Legacy: Understanding Contemporary Turkey through its Ottoman Past // Perspectives on Global Development and Technology. - 8(2-3). - P.494–508. — DOI: URL: <https://doi.org/10.1163/156914909x423999>.
10. Davutoğlu, A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu // Küre Yayınları. – 2010.
11. Öniş, Z., & Kutlay, M. Rising Powers in a Changing Global Order: the political economy of Turkey in the age of BRICS. — Third World Quarterly. — 34(8). — P.1409–1426. — DOI: URL: <https://doi.org/10.1080/01436597.2013.831541>.
12. Jabbour, J. Turkey: An emerging power without the resources to match its ambitions // Politique étrangère. – 2020. – 4. P. 99-108. — DOI: URL: <https://doi.org/10.3917/pe.204.0099>.
13. Kraidy, M., Al-Ghazzi, O. Neo-Ottoman cool: Turkish popular culture in the Arab public sphere // Popular Communication. – 2013. - 11(1). P.17–29. — DOI: URL: <https://doi.org/10.1080/15405702.2013.747940>.
14. Arslan, S. Cinema in Turkey: A New Critical History // Oxford University Press. – 2011. - 4(3). – P.225–240. URL: <https://www.insightturkey.com/file/636/cinema-in-turkey-a-new-critical-history-summer-2011-vol13-no3> (дата обращения: 02.12.2025).
15. Kaya, A., Tecmen, A. The use of the past in populist political discourse // European Memory in Populism. – 2019.
16. Çevik, S. The empire strikes back: Propagating AKP's Ottoman Empire narrative on Turkish television // Middle East Critique. – 2020. - 29(2). P. 177-197. — DOI: URL: <https://doi.org/10.1080/19436149.2020.1732031>.
17. Sertbulut, Z. The dizi industry's geographic imaginaries and narratives of global success // International Communication Gazette. - 2023. – 85 (3-4). P. 286-309.— DOI: URL: <https://doi.org/10.1177/17480485231152870>.

18. Miriam B. Turkish drama serials as a tool for Soft Power // Participant Journal. 2017. – 14 (2). URL: https://www.researchgate.net/publication/350588642_
19. Özgün, K. Transnational Reception Research on Turkish Tv Dizis (Series): A Meta-Synthesis // İmgelem. - 2024. - 14. - P.475-494. — DOI: URL: <https://doi.org/10.53791/imgelem.1483459>
20. Öztürk, A. E. The Many Faces of Turkey's Religious Soft Power // Washington: Brookings Institution. URL: <https://berkeleycenter.georgetown.edu/publications/the-many-faces-of-turkey-s-religious-soft-power> (дата обращения: 15.12.2025).
21. Krippendorff, K. Content analysis: An introduction to its methodology (3rd ed.) // Sage Publications. – 2013. URL: <https://www.scirp.org/reference/referencespapers?referenceid=1976495> (дата обращения: 28.12.2025).
22. Fairclough, N. Critical discourse analysis : the critical study of language // Open Journal of Modern Linguistics. – 2013. – 3(2). URL: <https://www.scirp.org/reference/referencespapers?referenceid=821968> (дата обращения: 16.12.2025).

Материал поступил в редакцию 17.01.2026

Утвержден к публикации 19.03.2026